

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.14>

Хетагурова Дзерасса Казбековна

[Трансформация богоборческих мотивов в поэзии символизма \(К. Д. Бальмонт, Ф. К. Сологуб, А. И. Токаев\)](#)

В статье рассматривается специфика богоборческой тематики в творчестве видных представителей "старшего" поколения русского символизма К. Д. Бальмонта, Ф. К. Сологуба и осетинского поэта начала XX века А. И. Токаева. Цель работы - проследить, как тема богоборчества трансформировалась в лирике выбранных авторов, какие пути преодоления противостояния человечества и Создателя отражены в стихотворениях Бальмонта, Сологуба и Токаева. В результате анализа выявлены особенности образов лирических героев, в которых ярче всего проявился пафос бунтаря; определены способы решения проблемы богоборчества: у Бальмонта - в единении всего, в стирании границ между противоположными понятиями, у Сологуба - герой-демиург создает воображаемые миры, у Токаева - жертвенность ради родного народа - замещая Бога, лирический субъект стремится к спасению человечества. Научная новизна настоящего исследования обусловлена тем, что богоборчество в лирике русского и осетинского символизма впервые становится предметом совместного анализа, так же как и русскоязычное творчество А. И. Токаева.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/7/14.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 73-79. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/7/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phii@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.14>

Дата поступления рукописи: 19.05.2020

В статье рассматривается специфика богоборческой тематики в творчестве видных представителей «старшего» поколения русского символизма К. Д. Бальмонта, Ф. К. Сологуба и осетинского поэта начала XX века А. И. Токаева. **Цель работы** – проследить, как тема богоборчества трансформировалась в лирике выбранных авторов, какие пути преодоления противостояния человечества и Создателя отражены в стихотворениях Бальмонта, Сологуба и Токаева. **В результате** анализа выявлены особенности образов лирических героев, в которых ярче всего проявился пафос бунтаря; определены способы решения проблемы богоборчества: у Бальмонта – в единении всего, в стирании границ между противоположными понятиями, у Сологуба – герой-демиург создает воображаемые миры, у Токаева – жертвенность ради родного народа – замечая Бога, лирический субъект стремится к спасению человечества. **Научная новизна** настоящего исследования обусловлена тем, что богоборчество в лирике русского и осетинского символизма впервые становится предметом совместного анализа, так же как и русскоязычное творчество А. И. Токаева.

Ключевые слова и фразы: богоборчество; Сверхчеловек; русский символизм; декадентство; лирика; лирический герой; К. Д. Бальмонт; Ф. К. Сологуб; А. И. Токаев.

Хетагурова Дзерасса Казбековна, к. филол. н.

Научно-исследовательский отдел «Центр скифо-аланских исследований»

Владикавказского научного центра Российской академии наук

dze-khe@yandex.ru

Трансформация богоборческих мотивов в поэзии символизма (К. Д. Бальмонт, Ф. К. Сологуб, А. И. Токаев)

Тема богоборчества была довольно популярна в русской литературе XIX – начала XX века: от русских классиков М. Ю. Лермонтова и Ф. М. Достоевского до поэтов и писателей раннего символизма декадентской волны; в творчестве последних она достигла предела остроты. Изменившееся мироощущение в конце XIX века внесло новые акценты в тему одиночества человека на земле, лишённого привычных, нерушимых устоев в вере и культуре. Искусство рубежа веков – это одновременно и висельник, столкнувшийся с ужасной правдой, и стул под его ногами, и тот, кто выбил этот стул из-под ног отчаявшегося. Время страха, противоречий, сомнений и поисков пугающей истины, ведь «ежеминутное ощущение сущностного порождает страх, ощущение бездны, на пороге которой оказался человек» [10, с. 7]. Поэтому неслучайна актуализация проблемы богооставленности, брошенности в литературе этого периода.

Предметом исследования станут стихотворения символистов старшего поколения: К. Д. Бальмонта (1867-1942), Ф. К. Сологуба (1863-1927) и лирика осетинского поэта А. И. Токаева (1893-1920). **Актуальность** проведенного исследования заключается в необходимости осмысления межлитературных связей и влияний в осетинском литературоведении, в углубленном изучении актуальных идей рубежа XIX – начала XX века в русском и осетинском искусстве. В работе ставятся следующие **задачи**:

1. Обозначить социально-исторические и культурные характеристики рубежа XIX – начала XX века.
2. Проанализировать избранные стихотворения поэтов и определить особенности мировосприятия лирических героев.
3. Выявить специфику символического решения религиозных и эстетических противоречий в поэзии русских и осетинского авторов.

Метод, который использовался в проведенном исследовании, – сравнительно-исторический. **Теоретической базой** явились труды отечественных литературоведов по истории русской литературы рубежа XIX – начала XX века: Л. А. Колобаевой [7], И. В. Корецкой [8], С. Н. Бройтмана [4], философские трактаты Л. И. Шестова [18] и Ф. Ницше [12]. **Практическая значимость** результатов проведенной работы заключается в возможности использования их в преподавании курсов по истории русской и осетинской литературы, а также в качестве материала для спецкурсов, посвященных межлитературным связям на филологических факультетах РСО-А.

Возникновение символизма связывают с кризисом сознания и культуры рубежа веков: разочарование в науке, в рационалистических способах познания, в устоявшихся эстетических установках, отсюда и иное название символизма – декадентство (фр. «упадок»), ведь, как писал Л. И. Шестов, «если открыть глаза на действительность, если захотеть говорить правду, то в результате получится одно отчаяние» [18, с. 200]. Во многом истоки изменившегося мироощущения «лежали в расшатывании традиционной системы ценностей – христианства, краеугольного камня европейской цивилизации» [7, с. 15]. Из-за отсутствия опоры в вере популяризовались философские идеи А. Шопенгауэра, учение о Сверхчеловеке Ф. Ницше с тезисом о том, что «Бог умер», распространялись сомнения во всем привычном, современном и грядущем, что требовало поиска новых форм самовыражения. Именно символисты впервые ощутили острую неизбежность перемен и одновременно страх перед будущим, богооставленность и, с другой стороны, «свободу от прокрустова ложа догм и религий, социальных структур, от наивного деления на черное и белое» [10, с. 5].

В эстетике раннего символизма, связанной с декадентским мироощущением, когда Бог либо умер, либо отвернулся от человечества, сам, в свою очередь, разочаровавшись своим созданием, личность художника-творца выходит на новый уровень в попытке осознать космогонические, мистические процессы мироздания, самостоятельно постичь Истину. Лишь творческий разум способен осуществить необходимые перемены; по словам поэтического гения А. Рембо, только поэт достигает неведомого, «так как он взрастил больше, чем кто-либо другой, свою душу, и так богатую!» [Цит. по: 1, с. 239]. Поэт как «художник-демиург в своих творениях способен сблизить, осуществить синтез двух начал: земного и небесного» [5, с. 86], ведь «Человек тянется вверх, Бог – вниз; иногда их пальцы соприкасаются» [11, с. 114], в результате чего рождаются гении и поэты, способные изменить мир.

Как следствие переосмысления роли художника в мире и искусстве явилась актуализация идей богоборчества: «...система взглядов, включающая в себя неприятие Бога и созданного им мира как несовместимого с идеей блага и утверждающая права человека на переустройство такого мира» [6, с. 189]. Именно неприятие существующего мира и стремление к его изменению отразились в творчестве символистов, которые «звали к перевооружению духовно-нравственному – к обновлению религии, морали, творчества, людских отношений» [8, с. 688].

Богоборческие идеи тесно связаны с учением о Сверхчеловеке Ф. Ницше. В трактате «Так говорил Заратустра» Ницше провозглашает: «Умерли все боги; теперь мы хотим, чтобы жил сверхчеловек» [12, с. 57]. Сверхчеловек в философии Ницше – высший этап развития человечества, центр всего: «Новой гордости научило меня мое Я, которой учу я людей: не прятать больше головы в песок небесных вещей, а гордо держать ее, земную голову» [Там же, с. 23].

В раннем символизме тема богоборчества имеет свои особенности: осознавая несправедливость мироустройства, поэт-декадент ищет новые пути выхода из кризисной ситуации. Ропща на Создателя, он, как правило, никогда не доходит до той точки, когда возможно утверждение о том, что «Бог умер», потому богоборчество в русском символизме трансформируется в нечто большее, чем бунт, эпатаж и категорическое отрицание Господа.

В поэзии К. Бальмонта лирический герой – изменчивый гений, индивидуалист, он «вызывающе отчужден от привычной человеческой жизни. <...> Его позиция – не включение в конкретную жизнь, а бегство от нее, позиция надмирности, не человечности, а сверхчеловеческого» [7, с. 69]. Провозглашая свою уникальность, лирический субъект Бальмонта разочаровывается в мире: «Я слепну в бешенстве, мучительно скорбя. / О, если мир – божественная тайна, / Он каждый миг – клеветает на себя!» [2, с. 217]; в человечестве: «Людей родных мне далеко страданье. / Чужда мне вся Земля с борьбой своей» [Там же, с. 26]; в Боге: «Затаив невыраженный вздох, / Я прошел несчетные дороги. / Мозг болит, болят глаза и ноги. / Я не знаю, братья, есть ли Бог» [3, с. 150]; поскольку: «Бесчувственно Великое Ничто, / Земля и Небо – свод немого храма» [2, с. 448].

Сверхчеловечность бальмонтовского героя, неприятие традиционных норм и правил сочетаются при этом с эфемерностью, неуловимостью, переменчивостью и неоднозначностью, ведь он тот, кого нельзя ухватить и заключить в рамки:

«Я – внезапный излом,
Я – играющий гром,
Я – прозрачный ручей,
Я – для всех и ничей...» [Там же, с. 355].

Пытаясь постичь мир, он задается вопросом, который особенно остро стоял для рубежа XIX – начала XX в.:

«Во всем видна Создателя рука.
Лишь одного постичь мой ум не может: –
<...>
Зачем Он дал нам жгучее желанье –
Грешить, роптать, и проклинать Творца?» [Там же].

Ища ответы на извечные вопросы к Создателю о смысле жизни и смерти, герой особенно остро ощущает безнадежность и богооставленность человечества, ведь ответов нет, и это неизменно приводит к горестным стенаниям, сомнениям и отчаянным поискам:

«Мы не знаем, где родится новой истины звезда.
Нами правят два проклятья: Навсегда и Никогда.
<...>
К нам доходит свет небесный – в час, когда умрет звезда.
И с живой душой обняться мы не можем никогда» [Там же, с. 126].

Человеческая жизнь – обманчивый путь страданий, заканчивающийся не успокоением и слиянием с истиной, а лишь еще одной ложью, ведь «свет небесный» доходит лишь в час смерти, отрицая саму жизнь. Лирический герой ищет новый путь спасения и находит его в своем уникальном таланте, в своем трансцендентном разуме, равном Богу: «Я хочу быть первым в мире, на земле и на воде, / Я хочу цветов багряных, мною созданных везде» [Там же, с. 213], ведь символистское сознание способно проникать в суть вещей, к их «сокровенной и вечной сущности» [7, с. 11].

Поэтическое «Я» довлеет над миром, становится мерилем всех вещей, и «отношения поэта к действительности строятся по типу: Я и Мир, где “Я” мыслится равновеликим миру. В поэзии символистов мы видим выражение претензий личности поднять себя к высшей, Божественной сущности мироздания и уверенной в прямых соответствиях своего “Я” и тайн Вселенной» [Там же, с. 70]. Такая личность объединяет в себе все противоречия и стирает границы между добром и злом, жизнью и смертью, Богом и Дьяволом:

«Ты создал сам свой лик,
Все можно изменить» [3, с. 122].
«Добро и зло – два лика тех же дум» [2, с. 457].
«Все краски люблю я, и свет Белизны не есть для меня завершение.
Люблю я и самые темные сны, и алый цветок преступленья» [3, с. 113].
«Я люблю тебя, Дьявол, я люблю Тебя, Бог,
<...>
Одному – мои крики, а другому мечты,
Но вы оба велики, вы восторг Красоты» [Там же, с. 93].

Заклучив в себе все проявления бытия, лирический герой Бальмонта создает новое «Я», равное миру:

«Мир – бездонность, ты – бездонность, в этом свойстве вы едины,
Только глянь орлиным оком, – ты достигнешь до вершины.
<...>
Будешь светлым, будешь сильным, будешь утром, в первый раз!» [Там же, с. 122-123].

Разрушив границы привычного сознания, лирический герой меняет и религии мира: «Моя душа – глухой всебожний храм, / Там дышат тени, смутно нарастая» [2, с. 447], – соединяя их в нечто одно, лишённое отличий.

Слияние стихий в одно целое, «воскресенье Всего» – последний этап богоборческого пути лирического героя Бальмонта, когда, объединив все проявления бытия в символистском сверхсознании, можно примириться с Создателем и человеческой жизнью, оправдав ее всю:

«Что прошло, то прошло, что мертво, то мертво,
Мы в стозвучном живем, в Литургии Светил,
В откровеньи Стихий, в воскресеньи Всего» [3, с. 167-168].

Все основы мироздания объединить в своем творческом сознании, стать «стихийным гением», уйти за пределы «и правды, и лжи» к новому человеку, в котором заключено и черное, и белое, и Бог, и Дьявол, все религии мира, – так представлена тема богоборчества в лирике Бальмонта. В поэтической вселенной К. Д. Бальмонта без свержения и отрицания Создателя соединяются существующие мировые понятия и представления в бесконечном движении обновления всего сущего.

В поэзии Ф. К. Сологуба лирический герой представлен так же, как и у Бальмонта, – индивидуалистом и бунтарем, но его конфликт с миром и Богом острее и глубже. В нем нет мимолетности, изменчивости и неуловимости «тени от дыма» Бальмонта, он гораздо более декадентский, мрачный и пессимистичный: «За метанья жизни пленной / клял я злобную судьбу» [15, с. 346], в нем больше отчаяния и злости:

«Злое земное томленье,
Злое земное житье,
Божье ли ты сновиденье
Или ничье?» [Там же, с. 65-66].

В поэзии Сологуба «звучат изначально ему свойственные мотивы “мировой скорби” и мировой иронии – несвободы человека от “законов мировой игры” и слабостей “бренного тела”» [7, с. 124]. Герой Сологуба остро ощущает пропасть между обыденной жизнью и божественной душой, трагедию богооставленности: «И пред Господом ладан кадим! / Все равно непотребны, / Позабытые Богом своим» [15, с. 176], он, с одной стороны, жаждет ответа, с другой – понимает невозможность его получения:

«Безумная и страшная земля,
Неистошим твой дикий холод, –
И кто безумствует, спасения моля,
Мечом отчаянья проколот» [Там же, с. 169].

Голоса взывающие не слышны Создателю, в равнодушных небесах нет отклика, и потому «умирает без ответа чей-то крик», Бог разочарован в своем создании и лишил его личности, дав маски, ложные оболочки, уводящие от сути: «Нет великого владыки. / Празден трон, и нем дворец. / Опечаленный творец / Дал личины, отнял лики» [Там же, с. 343].

Если бальмонтовский герой, пройдя богоборческий путь, нашел спасение в собственной душе, способной объединить все религии, все проявления жизни и смерти, стереть все границы, то у Сологуба ответ также заключается в глубине собственного «я», но в ином проявлении: «...поставить его в центр мирового процесса и придать ему статус “теурга”» [4, с. 893]. Поэтому лирический субъект Сологуба заменяет Творца, становится ровней ему и создает свой мир. Один из известных романов Ф. Сологуба «Творимая легенда» (1906) начинается такими строками: «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную

легенду, ибо я – поэт. Косней во тьме, тусклая, бытовая, или бушуй яростным пожаром, – над тобою, жизнь, я, поэт, воздвигну творимую мною легенду об очаровательном и прекрасном» [14, с. 7] – эти слова передают суть философско-художественных идей всего творчества Сологуба – и прозаического, и поэтического:

«И я возник из бездны дикой,
И вот цвету,
И созидаю мир великий,
Мою мечту.
<...>
Весь мир – одно мое убранство,
Мои следы» [15, с. 193].

Творческое «Я» создает свою спасительную вселенную – это фантастическая страна Ойле под звездой Маир – мир, оживленный магической фантазией поэта, место гармонии, туда уносится душа, отдыхая от земных, злых томлений, находя спасение в воображении и игре:

«На Ойле далекой и прекрасной
Вся любовь и вся душа моя.
<...>
Там, в сияньи ясного Маира,
В колыханьи светлого эфира,
Мир иной таинственно живет.
<...>
Мир блаженства и покоя,
Вечный мир свершившейся мечты» [Там же, с. 102].

В эти дали направляется душа лирического героя во снах и в мечтах, именно там она будет жить после смерти:

«Мы скоро с тобою
Умрем на земле, –
Мы вместе с тобою
Уйдем на Ойле.
<...>
И все, что скрывает
Ревниво наш мир,
Что солнце скрывает,
Покажет Маир» [Там же, с. 103].

Богоборческие мотивы в поэзии Сологуба проявились в образе поэта-теурга, пришедшего на смену Богу, который забыл человечество и отвернулся от него, и только поэтический разум, способный создать уникальный мир, свою «творимую легенду», способен жить на земле, поскольку «Он верен сладостной мечте» [16, с. 58], но при этом «Везде чужой, всегда бродяга» [Там же].

Рубеж веков в осетинской литературе – это время расцвета и своеобразного эклектизма, когда эстетические установки различных направлений, течений искусства проявлялись не этапами, а в один период. Связано это было с тем, что осетинская литература – молодая, она возникла в конце XVIII века и развивалась в ускоренном темпе, без плавных переходов. Так, символизм оказал огромное влияние на лирику А. И. Токаева – незаурядного поэта, впервые внесшего в осетинское стихосложение форму сонета, драматурга, переводчика и художника. Лирика поэтов-декадентов вдохновляла осетинского поэта, что демонстрирует как его собственное творчество, так и переводы на родной язык стихотворений В. Я. Брюсова и К. Д. Бальмонта [17, ф. 274-275]. Идеи богоборчества присутствуют в поэзии Токаева в образе лирического героя, который формируется под воздействием эстетики русского символизма, философии Ницше и революционных идей начала XX века.

Токаевский герой – иной, с горящей душой и небесным сердцем: «Мæ зардæ – зæд» («Мое сердце – ангел»), он проводник света на землю:

«Рухс дæн. Рухс дæн æз. Мæнмæ ды кæс,
Уæ, зæххон лæг!
Хæсс дæхи. Дæхи мæнæй ды хæсс...
Æз дæн хонæг.

Арвæй тын нывæндын æз зæхмæ.
Зæхх у талынг.
Систон æз мæхи зæххæй зæгъмæ,
Тынтæ калын» [Там же, ф. 141] (здесь и далее тексты А. Токаева с сохранением авторской орфографии и пунктуации приводятся в подстрочном переводе автора статьи. – Д. Х.).

«Свет я есть. Я есть свет. Смотри ты на меня,
О, земной человек!
Кормись мной. Себя питай от меня...
Я приглашающий.

С неба луч протягиваю на землю.
Земля во тьме.
Поднял я себя с земли, сею,
Лучи распространяю».

Соединяя в себе качества сверхчеловека, равного Создателю, лирический субъект Токаева зачастую берет на себя божественные функции и обязанности. Так, в стихотворении «Бог слепых» («Куырмыты хуыцау») герой замещает Творца, так как тот спит и не видит людских страданий, не отвечает на отчаянные взывания и крики о помощи:

«Дымгæ футтыгæ кæны –
Бапыхцыл дæ рихи...
<...>

Хъæр кæнын дæумæ, кæнын
Туджы малы цадагъ.
Малы мардыл æз кæлын,
Бахъарзын æнцадагъ.

Хъусыс? Нал хъусыс, цы, ды?
Бацъынд дæ æртхуыстæй...
<...>

Цыргъ кæнын ныр æз мæ кард,
Дурты дæр куыд даса.
Сурын, сурдзынæн фыддзард,
Дард йæхи куыд ласа!» [Там же, ф. 145].

«Ветер дует –
Растрепалась твоя борода...
<...>

Кричу тебе, к тебе кричу
Скопилась кровь озером.
Спотыкаюсь о бесчисленных мертвецов,
Тихо причитаю.

Слышишь? Или не слышишь ты?
Зажмурился как потухший огонь...
<...>

Точу теперь я свой меч,
Чтобы камни даже мог рассечь.
Гоню, прогоняю беды
Прочь от родного края».

Для Ницше «Бог умер», для Токаева – «Бог спит», именно поэтому лирический герой А. Токаева возлагает на себя миссию Сверхчеловека – спасителя, однако так же, как и старшие символисты Ф. Сологуб и К. Бальмонт, А. Токаев не столь категоричен, как немецкий философ. Создатель не мертв, и, хоть он и не слышит стенаний, не видит страданий, но ему отчаянно молится поэт. Если в лирике старших символистов взывания обращены именно к Богу персонифицированному, то у осетинского поэта он может быть и Отец, и Сын, и Святой дух:

«О, Христос, добром сиятель,
Приди на землю опять, приди!!!
<...>

И всем укажи дорогу к раю.
<...>

Я твое не оставлю стадо
Я не Иуда, не предам
<...>

Пусть как и ты и я страдаю
И свой крест мне ты вручи
К твоим стопам я припадаю
Пусть за добрые дела
И меня пусть распинают» [13, д. 30, л. 3].

Стихотворение создано на русском языке – уникальный факт, поскольку поэт писал исключительно на родном языке, виртуозно владея им. Попытки сочинять на русском были в годы учебы в Бакинском Александра II морском училище дальнего плавания (1913-1916 гг.). Несколько русскоязычных стихотворений имеются в черновых тетрадях Токаева, хранящихся в ОРФ СОИГСИ, в печать они не выходили, так как демонстрируют, скорее, этапы формирования личности Алихана Инусовича, чем высокий уровень мастерства слова и образности, как основная масса поэтического наследия автора на осетинском языке.

Тем не менее в данном стихотворении видно то, ради чего начал творить Токаев: выступая в образе страдальца и спасителя, как Христос, он несет свой крест, совершая путь на Голгофу ради родного обездоленного народа. В жизни А. И. Токаев был активным борцом за Советскую власть, неслучайно, описывая в стихотворении страдания Христа, молодой автор говорит:

«Пусть терновое кольцо
И мне на голову надевают
Пусть в тюремное крыльцо
Меня ногой они толкают
Пусть в крови мое лицо
Пусть камнями в меня бросают» [Там же].

Таким образом, создавая образ бунтаря-революционера, выступающего против царских властей, принимая страдания, он отождествляет себя с Иисусом Христом, который принял смерть ради спасения человечества.

Токаев не лишается веры, он стремится ее видоизменить, обновить как религию, так и человека: «...я не молюсь вашему старому Богу бейте камнями меня... я ишу я иду к Богу, за мною за мною друзья!» [Там же, д. 21, л. 33]. Эти строки записаны в черновой тетради Токаева под заголовком «Темы для художественного воплощения», которые впоследствии Алихан Инусович раскрыл в своем творчестве: «...хочу

я зеркалом быть и отражать в себе тьму и свет» [Там же, л. 32]. Поэзия старших символистов являлась эталонной для осетинского поэта, поэтому, например, неслучайны параллели в образах лирических героев Бальмонта и Токаева – те же неопределенность и стремление к единству противоположного, эфемерность и неуловимость: «Я – облачко, я – ветерка дыханье» [2, с. 26] у Бальмонта, «Æз рыг дæн. Хуры уарыны рыг дæн, / Арвыл хъазын» [17, ф. 141]. / «Я пыль. Солнечного луча пыль – я, / Играю в небесах» – у Токаева. О своей несхожести с основной массой людей говорится у него во многих стихотворениях: «Æнæмæт адæм» («Беспечные люди»), «Цард» («Жизнь»), «Цыкурайы фæрдыг» («Бусина желаний»), «Цæмæн?» («Зачем?»), «Цæссыг» («Слеза») и др. Зачастую инаковость героя оборачивается уникальными способностями, равняющими его с неким демиургом (как и в образе лирического субъекта поэзии Ф. Сологуба), сверхчеловеком, тем, кто соединяет в себе качества смертного, мага и Бога. Так, в стихотворении «Цæссыг» («Слеза») представлен путь духовного преображения, постижение сути тьмы и света, открытие новой религии:

«Ма ку ды, ма ку. Ныр рухс у маæ цард.
Хауын æз талынджы, талынджы, талынджы.
Агурын талынджы рухсы къæрмаг.
Ма ку ды, ма ку. Фендзынæ уалынджы,
Талынгæн фендзынæ Рухсы хæрнæг.
<...>
Сау дуртæй самайдзæн аргъуан маæ сау зæрдæ,

Аргъуан – æрттивгæ, æрттивгæ, фæлурс.
Талынджы нал уыздæн, нал, нал уæззау хъæртæ,

Талынджы фендзыстут, м' адæм, маæ рухс»
[Там же, ф. 166].

«Не плачь ты, не плачь, теперь моя жизнь – Свет.
Падаю я в темноте, в темноте, в темноте,
Ищу во тьме затычку, закрывающую доступ к свету.
Не плачь ты, не плачь. Увидишь в свое время,
Увидишь поминки по Тьме, устроенные Светом.
<...>
Мое черное сердце выстроит из черных камней
церковь,
Церковь – сверкающую, блестящую, светлую.
Во тьме исчезнут, исчезнут, исчезнут крики
тягостные,
Во тьме увидишь, мой народ, мой свет».

В стихотворении, пройдя мистические этапы просветления (уход от людей, стремление достичь самой высокой горы, падение с нее), лирический субъект соединяет в себе противоположности, создает новую церковь, излучающую особый свет, дающий избавление от страданий. Герой Токаева, осознавая свою уникальность, непохожесть, свою силу Разума, все это готов отдать ради человечества, как Иисус, он готов принести себя в жертву во имя спасения собственного народа. Поэтому его личностный бунт против Бога – это не отрицание и противопоставление, а поиск спасения для человечества, когда сверхличность приходит на помощь там, где Бог бессилен, когда он спит, не видя земных страданий. Единственная цель, которая движет лирическим героем, – это любовь к родному народу, голодному и обездоленному, как писал совсем еще юный поэт в ученической тетради, ставя перед собой задачи и стремясь к саморазвитию: «Если бы я обладал Великим Разумом, / Тогда, страдая, боль / Взял бы на себя ради Осетии» [13, д. 15, л. 6]. Свообразным ответом на эти слова можно считать «Предисловие», написанное уже зрелым поэтом в 1919 году:

«Æз зонин тæхын уæларвмæ, дзурын зæдтимæ, хъазын стъалытимæ, æз атæхин уæларвмæ. Æз зонин хауын дæлдзæхмæ, хъусын æнæбын Дæлдзæхы мæлдзыджыты зарын, æз ныххауин Дæлдзæхмæ. Фæлæ æз цы адæмæн кусын, уыдон нырма агурынц æрмаест кæрдзыны къæбар, цаемæй, ма бахуысса сæ уынгæг цард. Уыдон тухи кæнынц кæрдзын ссарыныл æмæ уал сын раттын хъæуы “кæрдзын”» [17, ф. 276]. / «Я умею летать в небесах, говорить с ангелами, играть со звездами, я улетел бы на небо. Я умею падать под землю, слушать в бездонной пропасти песни муравьев, я упал бы под землю. Но те люди, для которых я работаю, они пока еще ищут только кусок хлеба, чтобы не погасла их стесненная жизнь. Они страдают в поисках хлеба, и пока им надо дать “хлеб”». Возможно, этими словами Токаев планировал открыть свой первый печатный сборник, в этих словах заключается его кредо как поэта-символиста, так и деятеля-революционера.

Выводы, сделанные в результате проведенного исследования, следующие: во-первых, тема богоборчества является актуальной для рубежа XIX – начала XX века, поскольку в это время достигла пика проблема всеобщей разочарованности, неуверенности в устоях бытия и назрела острая необходимость ее решения. Во-вторых, в поэзии символизма богоборческая тематика представлена не как бунт и неприятие Господа, а как поиск альтернативных путей спасения в мире, где небо глухо к страданиям, поскольку Создатель либо разочарован в своем творении, либо ослеп от созерцания людских бед и ошибок, либо просто крепко спит. В-третьих, только поэт-символист как творец-демиург в образе нового лирического героя нашел действенный способ преодоления типично-человеческого бытия: в стирании границ между добром и злом, через оправдание и единение всего сущего для возможности жить на земле (у К. Д. Бальмонта), в виде побега от реальности в воображаемый мир Ойле под звездой Маир (у Ф. К. Сологуба), в форме активной борьбы со злом в качестве помощника или заместителя Бога для избавления человечества от страданий, сродни жертвенности Иисуса (у А. И. Токаева).

Таким образом, искусство рубежа веков отразило острейшие противоречия своего времени и извечные вопросы бытия: конечность жизни, бессмертие души, вдохновляющие мечты, боль физических и духовных страданий, стремление к ускользающей Истине и тщетность поисков. Именно на стыке веков четко обозначились несоответствия людского существования на земле, где все ценности устарели, все нормы пошатнулись, и каждый поэт и художник в своем творчестве искали и находили уникальный путь спасения.

Творчество А. И. Токаева остается недостаточно исследованным в современном осетинском литературоведении, в связи с чем видится перспективным дальнейшее изучение как собственно поэтического наследия автора, так и связей его с русской и мировой литературой.

Список источников

1. **Балашов Н. И.** Рембо и связь двух веков поэзии. IV. Письма ясновидца и «Пьяный корабль» // Рембо А. Стихи. Последние стихотворения. Озарения. Одно лето в аду. М.: Наука, 1982. С. 233-258.
2. **Бальмонт К. Д.** Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Книжный Клуб «Книговек», 2010. Т. 1. 504 с.
3. **Бальмонт К. Д.** Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Книжный Клуб «Книговек», 2010. Т. 2. 480 с.
4. **Бройтман С. Н.** Федор Сологуб // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): в 2-х кн. / отв. ред. В. А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. Кн. 1. С. 882-932.
5. **Дехтяренко А. В.** Концепция сверхчеловека в творчестве Д. С. Мережковского в свете античной традиции (на материале трилогии «Христос и Антихрист») // Россия и Греция: диалог культур: материалы III Международной конференции: в 3-х ч. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2016. Ч. 1. С. 82-90.
6. **Ефремова Т. Ф.** Богоборчество // Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. М.: АСТ; Астрель, 2006. Т. 1. А – Л.
7. **Колобаева Л. А.** Русский символизм. М.: Изд-во Московского ун-та, 2017. 352 с.
8. **Корецкая И. В.** Символизм // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): в 2-х кн. / отв. ред. В. А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. Кн. 1. С. 688-731.
9. **Максимов В.** Французский символизм – вступление в двадцатый век // Французский символизм. Драматургия и театр / сост. В. Максимов. СПб.: Гиперион; Гуманитарная академия, 2000. С. 5-52.
10. **Миллер Г.** Время убийц // Миллер Г. Время убийц: эссе / пер. с англ. И. Стам, А. Зверева, З. Артемовой. СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 19-160.
11. **Ницше Ф.** Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / пер. с нем. Ю. М. Антоновского // Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 5-237.
12. **Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований.** Ф. 27. Оп. 1.
13. **Сологуб Ф. К.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Интелвак, 2002. Т. 4. 672 с.
14. **Сологуб Ф. К.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Интелвак, 2003. Т. 7. 568 с.
15. **Сологуб Ф. К.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Интелвак, 2004. Т. 8. 608 с.
16. **Токаты А.** Уацмыстае. Орджоникидзе: Ир, 1973. 308 ф.
17. **Шестов Л. И.** Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. 216 с.

Transformation of Theomachist Motives in Symbolist Poetry (K. D. Balmont, F. K. Sologub, A. I. Tokaev)

Khetagurova Dzerassa Kazbekovna, PhD

*Research Department “Scythian-Alan Research Center” of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
dze-khe@yandex.ru*

The article examines specificity of the theomachist motive representation in creative work of the Russian “elder” symbolists K. D. Balmont, F. K. Sologub and the Ossetian poet of the early XX century A. I. Tokaev. The research objectives are as follows: to trace transformation of the theomachist motive in the poets’ lyrical works, to describe their approaches to overcoming confrontation of the mankind and the Creator. The research findings are as follows: the researcher reveals specificity of the lyrical heroes’ images that most clearly represent rebellious pathos, specifies the poets’ approaches to solving the theomachism problem: Balmont – convergence of everything, convergence of contradictory notions; Sologub – a hero-demiurge creates imaginary worlds; Tokaev – self-sacrifice for the sake of the native people – replacing the God, a lyrical hero seeks to save the humanity. Scientific originality of the study is conditioned by the fact that the researcher for the first time analyses representation of theomachist motives in the Russian and Ossetian symbolist poetry, and also by the fact that A. I. Tokaev’s Russian-language poetry has not been previously investigated.

Key words and phrases: theomachy; superman; Russian symbolism; decadence; lyrics; lyrical hero; K. D. Balmont; F. K. Sologub; A. I. Tokaev.